

С делом Лин Сюаня управились быстро. Как бы ни выказывали недовольство Лин Жусюэ и сам жених, помолвку с родом Генерала Храбрости скрепили окончательно. Свадьбу назначили через полгода — на десятый день десятого месяца.

Чтобы соблюсти приличия перед светом, маркиз Лин позволил Ся Лань оставить затворничество у алтаря и официально пожаловал ей статус наложницы. Ся Лань, помня о прежних прегрешениях, не смела открыто выказывать радость. На людях она вела себя тише воды, ниже травы, а за закрытыми дверями с еще большей преданностью ухаживала за Лин Жусюэ. Ей хватало женской хитрости, чтобы понять: теперь Лин Жусюэ — ее единственная опора под этим небом. Лишись она его благосклонности вновь, и дороги назад, к свету, для нее уже никогда не будет.

Десятого числа десятого месяца, после соблюдения всех шести свадебных обрядов, состоялась свадьба.

В самый день бракосочетания прибыл и жалованный указ. Молодая супруга, барышня Цзин Юй, в соответствии с чиновничьим рангом мужа, удостоилась титула благородной госпожи — аньжэнь шестого ранга. Указ, начертанный на свитке из черного дерева с подсолнухом, оправленном в плотный шелк с серебряной нитью, выглядел на редкость представительно и чинно.

Прежде Лин Сюань и думать не хотел о подобной партии. Втайне он лелеял надежду укрепить свое положение за счет выгодного брака, но старый маркиз сосватал ему бесперспективную невесту. Пусть происхождение ее и было благородным, рассчитывать на какую-либо помощь со стороны тестя не приходилось.

Полный досады и мрачных дум, Лин Сюань вошел в опочивальню. Но стоило ему приподнять расшитое покрывало и взглянуть на суженую, как сердце его невольно екнуло от радости. Слухи не лгали — молодая жена оказалась на редкость благообразной и величавой красавицей. Прожив с ней бок о бок несколько дней, он убедился в ее кротком и добропорядочном нраве. Обида Лин Сюаня постепенно сошла на нет. Слушая на стороне праздные толки о том, как иным достались уродливые жены или несносные мегеры, он понимал, что ему несказанно повезло. Прежний гнев на деда за мнимую несправедливость сменился молчаливым и искренним почтением.

Лин Сюань был вполне доволен своей долей, да и Лин Жусюэ, видя согласие между сыном и невесткой, радовался за них. Единственными, кто исходил досадой в поместье, оставались Ся Лань и Лин И.

Ся Лань прекрасно понимала, что прощение и бывшее уважение вернулись к ней лишь благодаря женитьбе сына. Однако мысль о том, что Лин Сюань взял в жены всего лишь дочь наложницы из генеральского дома, не давала ей покоя. Ее запросы и амбиции были куда примитивнее, чем у Лин Жусюэ или Лин Сюаня. В ее глазах этот брак был упущенным шансом возвыситься, и винила она в этом исключительно малодушие сына.

В день торжества, глядя на то, как барышня Цзин принимает жалованный указ, Ся Лань едва не задохнулась от зависти. Ведь она — та, кто выносила и родила Лин Сюаня! Будь она законной супругой, этот почетный титул аньжэнь принадлежал бы ей. Ся Лань напрочь позабыла, к каким ухищрениям прибегала ранее и какую цену за это заплатила; в ее душе хлопотала лишь слепая, глухая злоба.

Новоиспеченная невестка тоже не оправдала надежд Ся Лань. Та лелеяла надежду, что с приходом молодой хозяйки обретет в поместье маркиза Шоукан верную союзницу. Но молодая госпожа не выказывала к ней и тени той теплоты, с которой держалась Лин И. В обращении невестки всё было безупречно, правила приличия соблюдались до мельчайших деталей, однако для утренних и вечерних поклонов она неизменно отправлялась во дворик госпожи Ши!

Ся Лань напрочь была лишена смирения, подобающего бесправной наложнице. Чем больше она приглядывалась к невестке, тем сильнее росла ее неприязнь.

Лин И полностью разделила чувства матери. Довольно быстро она сообразила, что невестка не станет играть на их стороне. Цзин Юй держалась приветливо и учтиво, но эта учтивость напоминала ледяную стену — ни единым словом, ни единым жестом она не давала понять, что готова поддержать золовку. Все честолюбивые замыслы Лин И разбились в прах о безупречные манеры молодой госпожи.

Еще до замужества Цзин Юй знала обо всех хитросплетениях в доме маркиза Шоукан. Собственное происхождение от наложницы ее ничуть не смущало — муж ее был в точно таком же положении, так к чему пустые терзания? Однако корыстные замыслы тетушки Ся и золовки Лин И были видны как на ладони. Неужели они думали, что она пойдет наперекор приличиям и семейному уставу, позволив использовать себя в качестве слепого орудия в их интригах? Цзин Юй, ныне старшая молодая госпожа, была слишком умна для подобных глупостей.

Стоило утихнуть пересудам вокруг женитьбы Лин Сюаня, как взоры всей столичной знати обратились на Лин Сяо. Молодому человеку исполнилось шестнадцать. Наследник по прямой линии в доме маркиза Шоукан, он славился по всей столице своим выдающимся умом и блестящим будущим. Покровительство Восточного дворца и явная благосклонность самого императора сулили ему головокружительную карьеру. Разумеется, в каждом благородном семействе, где подрастали дочери или внуки на выданье, затаили дыхание.

Заслуженные сановники преклонных лет принялись один за другим заискивать перед старым маркизом Лин. Напрямую о сватовстве они не заговаривали, но намеки их были прозрачны: «Погляди, друг, сколько лет мы вместе проливали кровь за эту империю! Твой внук хорош, моя внучка — писаная красавица. Чего же нам ждать?»

Маркиз Лин буквально сиял от гордости. Получив горький опыт при поиске невесты для Лин Сюаня полугодом ранее, когда благородные дома задирали нос, а на безродных девиц не соглашались ни Лин Жусюэ, ни сам жених, он знал, как трудно найти невесту безупречного нрава и подходящего происхождения.

С Лин Сяо же всё обстояло совершенно иначе. Семья еще не успела даже намекнуть на сватовство, а столичный пруд сонной знати уже взбаламутило до самого дна. Старый маркиз пребывал в полнейшем восторге, чувствуя, что теперь может самовластно выбирать любую невесту в пределах имперской столицы.

Но праздное тщеславие не могло затмить разум умудренного опытом воина. Он не спешил давать обещания. В последнее время император оказывал Лин Сяо все больше знаков внимания. Во время недавней прогулки по саду владыка полушутя обмолвился о намерении породнить юношу с императорским родом. Благо, Лин Сяо проявил завидную изворотливость и сумел изящно уйти от прямого ответа, рассмешив государя и заставив его сменить тему.

Пусть государь более не возвращался к этому разговору, маркиз Лин прекрасно понял его намеки. Смысл был предельно ясен: император высоко ценит Лин Сяо и в будущем самолично выберет ему достойную партию.

Маркиз Лин и престарелый император бок о бок прошли через горнило войны, и былого взаимопонимания им было не занимать. Успокоившись насчет будущего внука, старик пустил в свет слух, будто Лин Сяо по велению судьбы не суждено рано жениться. Столичные дома с девицами на выданье горько сокрушались. Поговаривали даже, будто одна из барышень от безответной тоски слегла в постель с недугом, хотя кто знает, правда ли то была.

Императорская столица издревле славилась любовью к сплетням и праздным пересудам.

«Судьба противится раннему браку» — подобная отговорка могла сбить с толку лишь доверчивых матрон, но умудренные опытом государственные мужи лишь посмеивались над этими бреднями, помня заветы мудрецов не увлекаться мистикой. Все понимали, что это лишь благовидный предлог маркиза Лин. Вскоре поползли иные слухи: поговаривали, будто Наследная принцесса желает женить Лин Сяо на одной из царственных особ. И впрямь, старшая дочь принцессы, Чуньси, год назад вышла замуж в поместье герцога Сян, а младшая дочь была еще слишком мала. Если Лин Сяо повременит с браком, то к его совершеннолетию юная принцесса как раз войдет в брачный возраст! О безграничной любви Наследной принцессы к Лин Сяо знали все, поэтому многие охотно поверили в эту догадку.

Впрочем, пусть на улицах судачили о чем угодно, Лин Сяо продолжал жить своей жизнью. Забот у него хватало, тем более что досужие кумушки вскоре переключили внимание на его младшую сестру, Лин Чжи.

И в самом деле: если судьбу Лин Сяо император уже предопределил, то как же его единоутробная сестра? Родство с ней сулило небывалую выгоду. Лин Чжи была законной дочерью и внучкой из дома маркиза Шоукан, имела столь влиятельного брата, да и кротостью нрава славилась на всю столицу. Вскоре свахи из знатных семейств начали пристально присматриваться к юной барышне.

Маркиз Лин не торопился. Пользуясь тем, что его дом наводнили заманчивые предложения, он вознамерился со всем тщанием подойти к выбору женихов для обеих внучек.

Лин Сяо не спешил тем более. Ему, человеку с иными взглядами на жизнь, претила сама мысль о том, что девочек выдают замуж в столь нежном возрасте. В его глазах Лин Чжи оставалась сущим ребенком.

«Ей же едва минуло несколько лет! И уже под венец? А через год-другой она станет матерью? — с содроганием думал он. — Как можно представить ее с младенцем на руках, когда она сама еще дитя?»

К тому же у него было дело поважнее — он втайне готовил одно крупное предприятие.

Замысел Лин Сяо требовал строжайшей секретности: он решил заняться приумножением богатства.

Безусловно, его содержание в поместье было щедрым, а ежемесячные выплаты — весьма приличными, однако Лин Сяо стремился обзавестись собственным делом. Во-первых, он желал обеспечить любимую сестру богатым приданым. Во-вторых, в эти смутные времена ни дворянский титул, ни придворная должность не гарантировали вечной безопасности. Сейчас он купался в лучах императорской милости, но что принесет грядущий день? Лин Сяо не сомневался, что с восшествием на престол Чу Ицзиня его самого не ждет ничего хорошего. Чтобы уберечь себя от будущих бурь, следовало подготовить надежное прибежище, а звонкая монета во все времена оставалась самой надежной защитой.

Согласно законам империи, благородный муж, принадлежащий к сословию ученых и чиновников, не имел права опускаться до презренной торговли. Разумеется, Лин Сяо не был глупцом, чтобы действовать открыто. Собрав нужную сумму денег, он поручил верным людям приобрести несколько лавок для торговли шелком, тканями и драгоценностями.

Шелк и ткани доставлялись прямым из Цзяннани. Наладить поставки оказалось несложно — семья мужа госпожи Ши пользовалась в тех краях немалым влиянием и поддерживала тесные связи с Цзяннаньским ткацким управлением. Все преграды и таможенные препоны удалось легко обойти, и доставленный водным путем нежнейший южный шелк мгновенно завоевал признание у столичных щеголей.

Составив подробный план, Лин Сяо доверился госпоже Ши. Женщина она была проницательная и не обремененная предрассудками. Выслушав племянника, она лишь пожурела его за неосторожность, однако в тот же вечер отправила подробное письмо родственникам мужа в Цзяннань с необходимыми распоряжениями.

Так было положено начало торговле тканями, но истинные помыслы Лин Сяо устремлялись к иному. Всю свою душу и силы он вложил в создание роскошного ювелирного дома под названием Ланьцуйсюань — Павильон Собрания Нефрита.

Расчет Лин Сяо оказался безупречным. Во все времена легче всего расставались с деньгами знатные дамы, особенно в утопающей в роскоши столице. К тому же за долгие годы выбора украшений для Лин Чжи он до тонкостей изучил девичьи вкусы. Каждое изделие в

Ланьцуйсюане лучшие мастера ковали по его собственным чертежам. Необычайный, изысканный вид здешних драгоценностей мгновенно затмил убогий ассортимент прочих столичных лавок.

Сам Лин Сяо прекрасно владел кистью, превосходно чувствовал гармонию цвета и пропорций, а его утонченный вкус, вобравший в себя эстетику иных эпох, позволял создавать поистине уникальные творения. Каждое изделие выходило шедевром ювелирного искусства.

Юноша сделал ставку на роскошь. Богатых матрон в столице было пруд пруди, а баснословная цена лишь подстегивала их азарт — ведь у кого из них не пела в груди тщеславная гордыня? Драгоценности из Ланьцуйсюаня превосходили изяществом всё, что видывал свет. Их преподносили в резных шкатулках из черного сандала, покрытых сусальным золотом. Изнутри коробочки обивали белоснежным бархатом, на котором сверкающие самоцветы переливались особенно ярко и благородно.

К каждому изделию прилагалась изящная дощечка из ароматного дерева, где каллиграфическим почерком подробно описывались свойства камней, происхождение благородного металла и тонкость работы мастера. Подобное великолепие не могло оставить равнодушной ни одну ценительницу прекрасного.

На пятнадцатый день первого месяца, после трех лун упорных трудов Лин Сяо, Павильон Собрания Нефрита распахнул свои двери. Знатные дамы и юные барышни повалили туда гурьбой; отныне показаться в свете без украшений из Ланьцуйсюаня считалось верхом неприличия.

Удовлетворенно закрыв grossбух с первыми отчетами, Лин Сяо тихо улыбнулся.

«Что же, весьма недурно».

<http://bllate.org/book/20590/2131900>